

«Соперники, союзники, враги...»*

Восприятие Великобритании, Франции и США
в России и СССР
в первой половине XX века**

Елена Сениявская

«Привести к покорности решительно и быстро»

После Октябрьской революции, когда русское общество оказалось расколотым и вовлеченным в Гражданскую войну, бывшие союзники России по Антанте не только вмешались в ее внутренние дела и поддержали одну из противоборствующих сторон, но и явились организаторами интервенции, что надолго утвердило в массовом сознании населения уже Советской России их враждебный образ.

В период мировой войны западные союзники привыкли к самопожертвованию России, но после Октября 1917 г. в стране произошли события, коренным образом противоречащие их планам.

Впоследствии У.Черчилль писал: «В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту.

СЕНИЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, межвоенный период, Россия/СССР, Антанга, антигитлеровская коалиция, второй фронт, образ союзника, холодная война.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

** Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. № 4.

Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу...

Но Россия упала на полдороге и во время этого падения совершенно изменила свой облик. Вместо старого союзника перед нами стоял призрак, не похожий ни на что существовавшее до сих пор на земле. Мы видели государство без нации, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором. Оно отвергло обязательства, вытекавшие из договоров; оно заключило сепаратный мир; оно дало возможность снять с восточного фронта миллион немцев и бросить их на запад для последнего натиска. Оно объявило, что между ним и некоммунистическим обществом не может существовать никаких отношений, основанных на взаимном доверии ни в области частных дел, ни в области дел государственных и что нет необходимости соблюдать какие-либо обязательства. Оно аннулировало и те долги, которые должна была платить Россия, и те, которые причитались ей.

Как раз в тот момент, когда наиболее трудный период миновал, когда победа была близка и бесчисленные жертвы сулили наконец свои плоды, старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти «безымянное чудовище», предсказанное в русских народных преданиях...»¹.

В конце декабря 1917 г. Черчилль заявил, что после выхода из войны и начала сепаратных переговоров с Германией большевиков следует считать «открыто признанными врагами», а американские руководители уже в течение пяти недель после большевистской революции «приняли решение об интервенции как о целенаправленной антибольшевистской операции», но проходить она должна была под предлогом защиты России от германского вторжения².

По словам У. Черчилля, «союзники принуждены были вмешаться в дела России после большевистской революции, для того чтобы победить в великой войне»¹.

Однако, по признанию британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, «трудность заключалась в том, что любой официальный шаг, открыто направленный против большевиков, мог только укрепить их в решимости заключить мир и мог быть использован для раздувания антисоюзнических настроений в России»³.

Тем не менее, 23 декабря 1917 г. Великобритания и Франция заключили конвенцию, делившую Россию на сферы вторжения: «Французам предоставлялось развивать свои действия на территории, лежащей к северу от Черного моря, направив их «против врагов», то есть германцев и враждебных русских войск; англичанам – на востоке от Черного моря, против Турции. Таким образом, как это указано в 3-й статье договора, французская зона должна была состоять из Бессарабии, Украины и Крыма, а британская – из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана»¹.

18 января 1918 г. Генеральный штаб главного командования армиями Антанты принял резолюцию «О необходимости интервенции союзников в Россию».

6 марта британские морские пехотинцы высадили десант в Мурманске.

Месяц спустя, 5 апреля японский десант высаживается во Владивостоке.

27 мая военные атташе «союзных держав» собрались в Москве и единодушно признали, что необходимо вмешательство со стороны союзников в русские дела.

Затем Великобритания 1 июня добилась от президента США Вудро Вильсона согласия на участие в интервенции американцев, а еще через два дня, 3 июня Верховный военный совет принял совместную ноту № 31 «Союзническая интервенция в русские союзные порты».

6 июля солдаты чехословацкого корпуса после уличного боя с советскими отрядами захватили Владивосток². Далее события развивались по нарастающей.

Все это время «союзные» послы в Советской России распространяли провокационные листовки, занимались подрывной деятельностью, организовали контрреволюционный мятеж 6 июля 1918 г. в Ярославле, справедливо расцененный советской властью как результат «заговора послов» (восстание финансировалось через французского военного атташе в Москве), вели активную подготовку к интервенции и при этом возмущенно требовали у руководителей непризнанного их правительствами государства дипломатической неприкосновенности.

Одновременно дипломаты стран Антанты вели переговоры с советским правительством в надежде заставить его продолжать войну с Германией. Однако большевики не были настроены на «бескорыстное сотрудничество» с Западом, и вскоре послы пришли к выводу: «единственная помощь, которую мы можем получить от России, – это та помощь, которую мы выьем из нее силой при помощи наших собственных войск»².

Своими действиями «союзники» сами настойчиво толкали большевиков «в объятия немцев»: у них не остава-

лось другого выхода, кроме как опереться на мирный договор с Германией, чтобы иметь возможность оказать сопротивление интервентам и белым армиям.

«Для успеха интервенции и сохранения ее легитимности в глазах общественного мнения для интервентов было жизненно важно придать ей формы помощи гражданской войне в России, но когда интервенты высадились на Севере, гражданской войны не было – ее надо было создать. Именно этим интервенты и занимались с первых дней появления в северных водах, сначала «оказав помощь» в создании правительства Северной области, а затем и в создании Белой армии»².

По признанию американского генерала У.Ричардсона, когда объявленный интервентами призыв добровольцев «на борьбу с большевиками» потерпел полный провал, была проведена «по приказу англичан принудительная мобилизация двадцати двух тысяч молодых людей, среди которых едва ли сотня знала, почему происходит война русских с русскими»⁴.

В.И. Ленин писал: «Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево...»⁵.

Действительно, поворотным моментом в превращении революции в гражданскую войну стала именно «союзническая» интервенция.

«Без «союзнической помощи» гражданская война в России закончилась бы уже весной 1918 г. ... Строго говоря, белые «втянулись» в полномасштабную гражданскую войну вслед за иностранной интервенцией как ее «второй эшелон». ... Искусственный характер гражданской войны в России вполне откровенно признавали и сами организаторы интервенции, утверждавшие, что без интервентов белое движение потерпит немедленное поражение»².

Роль «первой скрипки в оркестре» играли британцы, несмотря на то, что высаженный ими в Архангельске в августе 1918 г. десант был поначалу невелик. (Впрочем, впоследствии британское присутствие будет самым большим среди иностранных интервентов в России, разумеется, после японского.)

Размышляя о причинах малочисленности первого союзнического десанта, У.Ричардсон писал: «Возможно, это объяснялось тем громадным англосаксонским высокомерием, которое не позволяло британскому командованию принять оборонительную тактику по отношению к столь ничтожному народу, как эти славяне, которые должны быть приведены к покорности решительно и быстро»⁴.

Далее он сообщал о натянутых взаимоотношениях между британскими и русскими офицерами, видя причину этого в том, что «англичане относились с предубеждением ко всякому русскому и открыто высказывали недоверие к своим русским коллегам»⁴.

Вполне закономерно, что и «...русские, как солдаты, так и офицеры, и офицеры более, чем солдаты, были преисполнены какой-то инстинктивной бессознательной враждебности к англичанам»⁶.

Белый генерал В.В.Марушевский так описывал отношение к союзникам: «Англичанам просто не доверяли, не доверяли инстинктивно, и будущее показало, насколько верно было это «верхнее чутье» у всех русских... За немногими исключениями ... английская политика в крае была политикой колониальной, то есть той, которую они применяли в отношении цветных народов»⁷.

Современники отмечали, что «взаимным недоразумениям и столкновениям между русскими и английскими офицерами не было конца», в то время как «полностью противоположными – дружественными были отношения с французским иностранным легионом и американцами»².

Впрочем, и другие интервенты не отличались бескорыстием в русских де-

лах. Между ними постоянно возникали споры из-за дележа награбленного.

Так, например, французский посол жаловался на «эгоистичные» действия британцев в Архангельске: «...Вот уже две недели продолжается спор между англичанами и французами за обладание ледоколом «Святогор»... Поначалу британский штаб оставил его французам, когда нужно было позаботиться о том, чтобы почистить и привести его в рабочее состояние... Теперь, когда все это сделано, он намеревается присвоить его себе, ...что соответствует английскому характеру»².

А в другом письме констатировал наличие «постоянной скрытой враждебности некоторых британских агентов к нашей стране, несмотря на братские узы, связывающие нас в войне. С момента заключения мира мы неоднократно могли увидеть, что это ощущение не исчезло полностью...»².

Ругались из-за перехваченных друг у друга выгодных сделок, из-за российского имущества и эксплуатации территории недавней союзницы, которые собирались между собой разделить, и т.д.

Корыстные мотивы интервенции бывшие союзники России пытались прикрыть «идейными» соображениями, в которые, впрочем, никто не верил, особенно в самой России.

«Заявление американского правительства о целях военной интервенции указывало, – вспоминал У.Ричардсон, – что союзники вдохновлены стремлением возвышенно и бескорыстно оказать помощь России. Однако широкие массы крестьян остались равнодушны к этому нашему «самопожертвованию» и высказывали нескрываемую радость, когда мы окончательно и с позором покидали их страну»⁴.

Если начало интервенции страны Антанты обосновывали необходимостью не допустить Германию использовать русские сырьевые ресурсы, то после окончания Первой мировой войны нашли другие поводы для продолжения своего присутствия на территории

бывшей союзницы, говоря о «защите демократии» и «помощи в восстановлении конституционного строя в России».

Так, в воззвании командующего союзными войсками в г. Баку британского генерал-майора В.М. Томпсона к народам Северного Кавказа говорилось: «Большевизм изобретен германцами для уничтожения России... Разбив общего врага на полях сражений, британцы и их союзники сочли необходимым оказать помощь России в деле восстановления порядка. Те войска, которые находятся в данный момент под моим командованием в г. Баку, являются лишь передовой частью союзной армии, которая в скором времени займет Кавказ. Наша обязанность охранять порядок во всей стране и помогать местным народам в деле уничтожения большевизма»⁸.

Что касается У.Черчилля, то он откровенно заявил, что «поставленная цель еще не достигнута», «еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому разрешению мировых проблем»¹.

«Союз торгаша с воином»

Враждебный образ Запада подкреплялся и позднее, в межвоенный период, в 20-е – 30-е годы, когда взаимоотношения Советской России, а затем СССР с Западом строились на идеях «осажденной крепости», враждебного капиталистического окружения государства пролетарской диктатуры. Взаимные опасения (внешней агрессии в СССР, с одной стороны, и экспорта революции на Запад, в том числе через действовавшие в Советском Союзе руководящие структуры Коминтерна, с другой) являлись контекстом весьма нестабильных международных отношений.

При этом в основе глубокого и острого противостояния СССР и его будущих союзников по антигитлеровской коалиции лежало столкновение не

Россия превратилась в объект нового колониально дележа со стороны своих недавних союзников.

К февралю 1919 г. в военной интервенции в России участвовали 44,6 тыс. британцев, 13,6 тыс. французов, 13,7 тыс. американцев, 80 тыс. японцев (позднее их численность в Сибири возросла до 150 тыс.), 42 тыс. чехословаков, 3 тыс. итальянцев, 2,5 тыс. сербов, 3 тыс. греков. Всего – 202,4 тыс. человек⁹.

Кроме этих сухопутных сил, в борьбе против РСФСР принимал участие и англо-французский флот, блокировавший берега республики. Несмотря на относительно небольшие силы бывших союзников, их вмешательство во внутренние дела России имело для нее драматические последствия. По мнению многих современников, не будь на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке иностранной интервенции, «не было бы полномасштабной Гражданской войны. Не было бы миллионов жертв, разрушения экономики, дикого насилия и жестокости»².

только разных систем ценностей, но, в первую очередь различных национальных и геополитических интересов. Подозрительность к западным союзникам в сознании советского народа формировалась исторически, на основе всего предшествующего, в том числе дореволюционного опыта. Кроме того, чрезвычайно сильны оказались классовые стереотипы, внедренные в сознание советских людей за два предвоенных десятилетия, согласно которым капиталистические державы могли восприниматься только как временные союзники СССР против общего врага, а в будущем рассматриваться как вероятные противники.

Во второй половине 30-х годов, когда явно назревал новый мировой воен-

ный конфликт, будущие союзники СССР по антигитлеровской коалиции не раз проявляли как открытую враждебность, так и коварство в тайной дипломатии. Проводимая ими политика «умиротворения» гитлеровской Германии, откровенное стремление направить ее агрессию на Восток против Советского Союза – все это и многое другое влияло на формирование в отношении Великобритании, США и Франции образа врага. Так, в представлениях советского руководства и в советской пропаганде на определенном этапе Британия выступала не менее вероятным противником, чем фашистская Германия.

Впоследствии, уже во Второй мировой войне, отголоски и враждебности, и подозрительности не могли не сохраняться, формируя по отношению к союзникам большую долю недоверия, которое усиливалось и вследствие собственно предвоенной международной ситуации, и краткого периода от начала Второй мировой войны до начала Великой Отечественной, вместившего в себя «освободительный поход» Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, Прибалтийские страны и Бессарабию, а также советско-финляндскую войну. Каждое из этих событий было весьма враждебно встречено западными державами, а за войну с Финляндией СССР исключили из Лиги Наций.

Однако, несмотря на сложные доверенные отношения, после нападения 22 июня 1941 г. Германии на Советский Союз между СССР, Великобританией, США и другими странами был заключен ряд соглашений «о совместных действиях против фашистской Германии», что положило начало созданию антигитлеровской коалиции.

Что же влияло на формирование образа союзника и из чего он складывался?

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. союзники давали веские основания усомниться в своей надежности, в течение нескольких лет откладывая открытие «второго фронта». И здесь недоверие к ним проявлялось на всех уровнях: и в высказываниях высшего руководства СССР, и в официальной пропаганде, и в массовом сознании советского общества в целом, и Красной Армии в частности.

Так, например, И.В.Сталин справедливо возложил на союзников вину за неудачи советских войск в 1942 г., заявив 6 ноября 1942 г., что «главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес сил на юго-западном направлении»¹⁰.

Месяцем ранее, 3 октября 1942 г., отвечая на вопрос корреспондента американского агентства «Ассошиэйтед пресс» Кэссиди «Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?», Сталин подчеркнул, что «в сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, – помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств»¹⁰.

Затягивание вопроса с открытием «второго фронта» заставляло подозревать англичан и американцев в том, что они расчетливо наблюдают за схваткой СССР и Германии, ожидая их взаимного истощения.

В том же октябре 1942 г. И.В.Сталин писал советскому послу в Лондоне: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей

страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются»¹¹.

М.И.Калинин, беседа с корреспондентами в декабре 1942 г., подчеркивал: «Будут вас спрашивать о союзниках, как тут говорить? Я говорю, что в драке на других надеяться трудно. Будем бить сами немцев, и союзники у нас будут, а если нас будут бить, трудно ожидать союзников. Во всяком случае нужно быть готовыми к тому, чтобы драться нам, а никому другому»¹².

«Второй фронт» занимал огромное место и в советской пропаганде, в том числе в творчестве известных писателей и публицистов.

Так, например, Леонид Леонов написал несколько статей в жанре письма «Неизвестному американскому другу». В них он рассказывал людям, живущим «под безоблачным небом Америки», о том, что творится в оккупированной Гитлером Европе, и убеждал в том, что в этой страшной войне никто не сможет отсидеться за океаном, что рано или поздно она доберется до каждого дома, а потому чудовищного врага «нужно победить любым усилием».

«Не жалости и не сочувствия мы ждем от тебя. Только справедливости»¹³, – убеждал Л.Леонов в августе 1942 г.

«Дело за вами, американские друзья! – призывал он в 1943 г. – Честная дружба, которую отныне будет жить планета, создается сегодня – на полях совместного боя. Именно здесь познается величие характера и передовая поступь передовых наций»¹³.

Более откровенно и настойчиво звучали призывы Михаила Шолохова в статье «Письмо американским друзьям», написанной в том же 1943 г., где он обращался к американцам «как гражданин союзной страны» и высказывал предположение, что они, может быть, «недостаточно знают», с какими трудностями для каждого советского человека связана эта война.

После подробного описания этих «трудностей» следовал вывод: «Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира – и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни. Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень ценим вашу дружескую, бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты в схватках с теми, которые бомбили наши станции.

Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки... Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат...

Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся на нашу землю, обращены мощные удары ваших армий... Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага.

Но война – тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с Вами так прямо»¹⁴.

Впрочем, нужно отдать справедливость простым американцам: они неоднократно выступали в поддержку сражающегося советского народа, в том числе и по вопросу открытия «второго фронта».

Так, например, 22 июля 1942 г. состоялся массовый митинг жителей Нью-Йорка,

резолюция которого была направлена президенту США Ф.Рузвельту и опубликована в газете «Дейли уоркер».

В ней, в частности, говорилось: «Мы едины в военных усилиях страны. Мы едины в поддержке нашего соглашения с Британским и Советским правительствами о необходимости открытия второго фронта против Гитлера в 1942 году. Мы готовы, каждый по мере своих сил, внести посильный вклад, необходимый для проведения в жизнь политики второго фронта».

Мы клеймим позором умиротворителей, пораженцев, трусов и предателей, которые клеветают на наших союзников и умаляют доблесть нашего оружия...

Мы призываем к немедленному открытию второго фронта, к открытию его сейчас, пока противник не добился новых преимуществ в борьбе против героических русских армий... Мы призываем к открытию второго фронта в интересах безопасности Америки.

Мы настаиваем на этом ради скорого торжества демократии и свободы всего человечества»¹⁵.

В СССР, судя по сохранившимся воспоминаниям, каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников не наблюдалось¹⁶, хотя, с другой стороны, по свидетельству Александра Верта, отношение населения к западным союзникам в годы войны часто оказывалось намного более прохладным, чем отношение советских властей, и связано это было, в первую очередь, с проблемой «второго фронта»¹⁷.

Вслед за руководством страны и официальной пропагандой большинство советских граждан относились к возможности его открытия весьма скептически, что отразилось во многих документах того времени.

Так, в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих и их семей по вопросу открытия союзниками второго фронта в Европе» от 30 июля 1942 г. со-

общалось: «Заключение договора и соглашения между великими державами – СССР, Великобританией и США – о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 году второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»¹⁸.

Далее приводились отрывки из перлюстрированных писем, в которых содержались следующие мнения: «Когда же наконец англичане и американцы откроют эффективный второй фронт, черт их знает, любят воевать за чужой счет, но ведь они должны понимать, что Гитлер и для них гибель. Они все советуются, совещаются, договариваются, а конкретного участия, кроме экономической помощи нам, пока не чувствуем». «Второй год пошел уже, как началась Отечественная война, а конца ее не видать. О втором фронте только пишут да говорят в Великобритании и в США. Видимо, надо надеяться, дорогие наши защитники, на собственные силы, – это будет, пожалуй, лучше. Ведь в прошлом мы не раз немцев били и били только собственным русским кулаком...».

«Союзники наши наверно только брехать красиво умеют, а пользы с них, как от козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно...»¹⁸.

Несколько месяцев спустя, в очередной сводке от 27 октября 1942 г., составленной по материалам военной цензуры, констатировалось, что «за последнее время значительно увеличилось поступление документов от военнослужащих нашего фронта с различными реагированиями по вопросу открытия союзниками второго фронта. Бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных письмах к родным и знакомым, хоть и не верят в открытие второго фронта, но высказывают

уверенность в полной победе над врагом собственными силами»¹⁸.

Среди приведенных в документе высказываний обращают на себя внимание оценки, данные союзникам: «А война, кажется, обещает быть затяжной. Помощи с Запада нет и не будет, как видно из хода вещей... Я так полагал, что английская армия сейчас, да и вообще не способна воевать с немцами, это можно судить по их африканскому театру войны, им бы только в футбол играть».

«...Бойцы обижаются на наших союзников за медлительность открытия второго фронта и говорят, что они не умеют держать своих обязательств. По-моему они в этом правы. Советский Союз выполняет все, согласно договора, а они копаются, или вернее, отписываются...».

«...Перспективы войны не веселые, из выступлений наших «друзей» Рузвельта и Черчилля нужно сделать вывод, что они собираются открыть второй фронт только в 1943 году, а пока вся тяжесть войны опять ложится на нас и нам предстоит еще провести одну зиму в борьбе с сильным противником. Что принесет эта зима, сказать трудно...»¹⁸.

Озабоченность советских людей проблемой открытия второго фронта отражалась и в дневниковых записях военных лет.

Так, прошедший всю войну «от звонка до звонка» в званиях от рядового до комбата М.Т.Белявский записал 12 сентября 1942 г.: «Что толку в похвалах Сталину и Красной Армии, когда нет помощи. Величие Сталина и доблесть нашей Армии не нуждаются в подтверждении со стороны всех этих господ, как аксиома не требует доказательств. Давным-давно уж пора кончить болтовню и приступить к делу, иначе может быть поздно. Кровь, огонь, смерть, горе, а они болтают, обещают, собираются, делают визиты, договариваются, «а воз и ныне там»»¹⁹.

Возвращался он к этой теме и позднее, например, в новогоднюю ночь 1944 г. Подводя итоги прошедшего 1943 г. и отмечая, что «инициатива бесповоротно утрачена» немцами на всех фронтах, он пи-

шет: «Союз США, Англии и СССР, который был до сих пор скорее символическим союзом, или, во всяком случае, союзом торговца с воином, стал, наконец, настоящим боевым союзом. Второй фронт из объекта надежд и мечтаний, кажется, скоро станет реальным фактом»¹⁹.

Впрочем, до высадки англо-американских сил в Нормандии в июне 1944 г. оставалось еще шесть месяцев.

Между тем открытие второго фронта состоялось лишь тогда, когда англо-американские союзники ясно поняли, что СССР может обойтись без них.

«По мере того как ширилось наступление Красной Армии, в правящих кругах Англии и США росло беспокойство, что СССР сможет в одиночку разгромить фашистскую Германию и освободить народы Европы. Это заставляло зорко следить за развитием событий на советско-германском фронте, чтобы выступить, когда СССР будет достаточно ослаблен. С другой стороны, имела место боязнь опоздать со вторым фронтом, что могло повести к непредсказуемым последствиям»²⁰.

Открытие второго фронта (6 июня 1944 г.) не столько приблизило Победу, сколько дало возможность союзникам присоединиться к ней.

Оно мало сказалось на положении Восточного фронта, так как союзники сразу же перешли к затяжному характеру ведения боевых операций. Кроме того, с Восточного фронта на Западный немцами не было переброшено ни одной дивизии, в то время как обратный процесс шел весьма интенсивно. Активность англо-американцев возросла только после того, как они поняли, что СССР в скором времени самостоятельно разгромит фашистскую Германию, возьмет Берлин и освободит страны Западной Европы. Они начали срочно оккупировать Австрию, Западную и Южную Германию, но к началу Берлинской операции советских войск даже не дошли до р. Рейн.

При этом со всей очевидностью проявились боевые качества союзников, которые оставляли желать лучшего. В декабре 1944 г. они потерпели тяжелое поражение от немцев под Арденнами.

Ситуация была настолько критической, что У.Черчилль 6 января 1945 г. обратился к И.В. Сталину с «личным и строго секретным посланием», в котором говорилось о том, что «на Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения».

В связи с чем Черчилль спрашивал, могут ли союзники «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января»²¹.

На следующий день Сталин ответил: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»²¹.

Обещание было выполнено 12–14 января, несмотря на то, что из-за облачности и тумана Красная Армия не могла использовать свое превосходство над противником в авиации и артиллерии. По весьма символическому совпадению наступление советских войск, как и в Первую мировую войну, началось в Восточной Пруссии, где в 1914 г. армия генерала Самсонова спасала от разгрома во Франции западных союзников.

В этой связи следует затронуть вопрос об отношении к разным членам антигитлеровской коалиции со стороны неприятеля. Немцы весьма диф-

ференцированно относились к народам, с которыми они воевали, выражая большую или меньшую к ним антипатию, в том числе и в зависимости от их боеспособности.

Вот, например, довольно типичное мнение бывшего солдата вермахта, высказанное им в интервью. «Поляков мы презирали, – заявлял он. – Французов мы считали хорошими солдатами и в надежде на будущее сотрудничество обращались с ними лучше, чем с другими народами. Англичанам мы не доверяли. С американцами я не сталкивался. Ненависть порождали массированные бомбардировки. Большевиком мы от всей души ненавидели...»²².

Во всех странах-участницах войны противник воспринимался через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию. Так, на отношение к русским огромное влияние оказывала фашистская пропаганда, которая формировала в сознании немецкого народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску «избранной» арийской расы.

«Борьба будет очень отличаться от борьбы на Западе. На Востоке жестокость – благо для будущего»²³, – записал в своем дневнике в марте 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Ф.Гальдер о речи Гитлера перед немецкими генералами.

Именно так и действовали немцы в войне против СССР.

«...Там не шла речь о пощаде... Русские – только для уничтожения. Не только победить их, но уничтожить»²³, – вспоминал один из военнослужащих вермахта, принимавший участие в штурме Брестской крепости.

Но очень скоро «недочеловеки» продемонстрировали «расе господ», на

что они способны. Не случайно в письмах с Восточного фронта немецкие солдаты и офицеры называли Россию «адам», а своих противников «русскими дьяволами».

К своим противникам на Западе немцы с самого начала относились иначе, хотя и без особого пиетета.

По утверждению британского историка Макса Хастингса, в ходе боевых действий в Нормандии в 1944 г. «очень немногие немецкие солдаты, даже из посредственных частей, испытывали уважение к боевым качествам своих противников»²⁴.

Так, немецкий парашютист Гейнц Хикман говорил: «Мы не видим в американском солдате достойного противника».

Полковник Кауфман из немецкой танковой дивизии отзывался не менее уничижительно: «Американцы начинали утром не слишком рано, им слишком нравился комфорт».

Многие немцы подчеркивали, что их удивляло нежелание или неумение американцев использовать наметившийся успех. Казалось, что они все время переоценивали возможности неприятеля и действовали весьма нерешительно, не осмеливаясь идти на прорыв даже слабой его обороны²⁴.

Не случайно, как показывают статистические исследования тех же американцев, почти на каждом поле боя немецкий солдат действовал более эффективно. При любых обстоятельствах (в обороне и в наступлении, при численном преимуществе и при его отсутствии, во время успехов и неудач) немецкая пехота наносила неприятелю потери на 50% выше, чем теряла сама от противостоящих английских и американских войск²⁴. И причина этого была не только в более умелом использовании наличных людских ресурсов, но и в том, что в армиях союзников служили «солдаты, действующие в рамках разумного», а немецких солдат учили «всегда пытаться сделать больше, чем требуется». Кроме того, дисциплинированность немецких войск,

их привычка беспрекословно подчиняться приказам также были значительно выше, чем у союзников.

Любопытные свидетельства о поведении западных союзников в Германии на последнем этапе войны встречаются во многих немецких мемуарах.

Например, обер-ефрейтор Кописке вспоминал: «Мы вышли к деревне Мекленбург... Там я увидел первых «томми» – трех ребят с легким ручным пулеметом, видимо пулеметное отделение. Они лениво развалились на копне сена и даже не проявили интереса ко мне. Пулемет стоял на земле. Повсюду толпы народа шли на запад, некоторые даже на повозках, но англичанам это явно было до лампочки. Один на губной гармошке наигрывал песенку «Лили-Марлен». Это был только передовой отряд. Либо они просто больше не брали нас в расчет, либо у них было какое-то свое, особое представление о ведении войны...»²⁵.

А вот еще более интересное свидетельство участника событий.

Командир 2-го батальона 49-го панцер-гренадерского полка СС «Де Рюйтер» (из состава дивизии СС «Нидерланд») штурмбанфюрер Петерсен вспоминал о том, как их часть рвалась на запад, в американскую зону, чтобы избежать русского плена.

3 мая 1945 г. в районе городка Пархим полк получил приказ создать рубеж обороны, «чтобы остановить движение русских, пока все немецкие части не пересекут демаркационную линию».

Вскоре появилась колонна из 12 русских танков и оказалась в ловушке в низине у мельницы, перед разрушенным мостом, попав под огонь штурмовых орудий, расстреливавших их в упор.

«Тем временем со стороны Пархима вдруг появились две бронемашины с белыми звездами на бортах. Они были высланы вперед с огневой позиции полевых орудий в качестве наблюдателей. Солдаты в окопах зашептались: «ами» здесь, они помогут нам в бою против русских. Обе бронемшины остановились на дороге. Открылись люки. Из них на шоссе выпрыгнули

два офицера американской 7-й танковой дивизии и направили свои бинокли в сторону разворачивавшегося неподалеку сражения. Это продолжалось какие-то секунды, хотя нам они казались вечностью. Затем оба американца опустили бинокли и подняли руки в военном приветствии. Оно было адресовано нам, и многие из нас ответили на него...

Обе оливково-зеленых бронемашины с большими белыми звездами на боку, взревев моторами, повернули назад, к Пархиму. Начальник разведки американской 7-й танковой дивизии мог доложить, как далеко еще русские находятся от демаркационной линии»²⁵.

На следующий день командир полка оберштумбанфюрер Ломан завязал переговоры с американцами по поводу капитуляции своего полка. «Сначала казалось, что американцы не хотят понять намеков Ломана, так как его полк только накануне вел бой с русскими, а следовательно им следует сдать в плен русским. Тогда Ломан, указав на свои две самоходки, попросил американского парламентаря разрешить ему дать американцам короткий бой, чтобы создать предлог для сдачи в плен именно им, а не русским. После долгих переговоров по телефону с вышестоящими американскими штабами парламентар наконец пообещал, что все солдаты полка «Де Рюйтер» будут считаться военнопленными американцев»²⁵.

Замечательные примеры «верности» американцев союзническому долгу и принятым договоренностям с СССР, а также очень показательные надежды немцев на помощь со стороны одного из членов антигитлеровской коалиции против другого члена коалиции...

В целом, говоря о роли второго фронта в достижении Победы над фашистской Германией, достаточно привести следующую статистику: вклад западных союзников состоял в разгроме и пленении 176 дивизий противника. Однако численный состав дивизий вермахта, расположенных на западном театре военных действий, был существен-

но меньше тех, которые противостояли Красной Армии на Восточном фронте, и боеспособность их была невысокой.

В свою очередь, на советско-германском фронте было разгромлено и пленено 607 дивизий противника, 70 из них, не считая бригад и отдельных частей, – только в ходе Берлинской операции²⁶. При этом уже после открытия второго фронта основные силы фашистской Германии – 195 дивизий – в январе 1945 г. действовали против советских войск, в то время как союзническим войскам в Западной Европе противостояли 74 дивизии противника²⁷.

Несмотря на то, что западные союзники не спешили оправдать возложенных на них надежд, советская пропаганда в целом формировала положительный образ США, Великобритании, сил Сопротивления во Франции во главе с Шарлем де Голлем. Много говорилось о значении единства в совместной борьбе с общим врагом.

Так, Борис Полевой еще в июле 1942 г. подчеркивал мысль о непобедимости союзников, вложив ее в уста немецкого перебежчика: «Русские, англичане, американцы, это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову!..», а Константин Симонов в очерке «Американцы» изображал янки веселыми парнями, любителями сувениров и настоящими воинами, очень похожими на русских²⁸.

Отношения между СССР и союзниками изображались не идиллическими, но в целом дружественными. При этом США пользовались большим уважением и симпатией, чем Великобритания¹⁶, что отразилось и в творчестве советских публицистов, тем не менее, отделявших образ сочувствующего Советскому Союзу американского народа от туманного образа тех, кто, по определению Леонида Леонова, олицетворял собой «выжидательную осторожность Запада»¹³. Представления же о францу-

зах как о союзниках по своему значению были явно вторичны и занимали в общественном сознании не столь важное место, как о британцах и американцах. В сущности, они ограничивались информацией об установлении в сентябре 1941 г. официальных отношений с Национальным комитетом «Свободная Франция» (с июня 1942 г. – «Сражающаяся Франция») во главе с генералом де Голлем, которого советское правительство признало руководителем «всех свободных французов, где бы они не находились»²⁹, слухами о движении Сопrotивления в оккупированной фашистами Франции, и, наконец, единичными контактами с летчиками легендарной эскадрильи «Нормандия-Неман».

Отношения с США и Великобританией были более «вещественны»: американская тушенка, юмористически прозванная бойцами «второй фронт»; 400 тыс. «Студебеккеров»; знаменитые конвои; яичный порошок; английские летчики в Мурманске²⁸, – все это до некоторой степени служило укреплению дружеских чувств к союзникам. Однако советские средства массовой информации, хотя и не замалчивали, но все же преуменьшали значение ленд-лиза, выдвигая на первый план продовольственную помощь, несмотря на то, что поставки вооружений и военных материалов по стоимости намного превосходили поставки продовольствия и сельскохозяйственных продуктов.

Публикуемые в советской печати выступления Ф.Рузвельта и У.Черчилля, а также заявления руководителей американской администрации по внешней экономике, не могли дать советскому читателю четкого представления о том, много или мало поставляют союзники. То есть «факт помощи со стороны США вроде бы и признавался, но она изображалась какой-то несерьезной»¹⁶. Однако, несмотря на это, в сре-

де советских бойцов время от времени встречались «особые мнения», касавшиеся помощи союзников по ленд-лизу.

Так, в еженедельной сводке о партийно-политической работе по обеспечению боевой деятельности и политико-моральном состоянии частей 19-й армии от 7 апреля 1943 г. сообщалось: «Красноармеец 1 стрелковой роты части Недилько Жарков говорил бойцам: «Если бы не союзники, то мы бы давно голодали. Смотрите – колбаса и сахар союзников, ботинки союзников, только живем за счет союзников». ...Жаркову в беседах разъяснено его неправильное понимание высказанного им вопроса»³⁰.

Вместе с тем, рассуждая о ленд-лизе, советские люди часто задумывались о его цене и всерьез опасались, что после войны в уплату за помощь «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»³¹.

Подобные настроения отражены и в донесении начальника политотдела 19-й армии полковника Поморцева начальнику отдела контрразведки «Смерш» 19-й армии полковнику Оленичеву от 11 апреля 1944 г.: «В 268 минометном полку красноармеец Фиозов Иван Антонович, беспартийный, уроженец г. Архангельска, ... находясь в группе бойцов, говорил: «Наше правительство безголовое, продукты до войны отравило в Германию, а теперь живет за счет Америки. Если бы не Америка, то мы бы давно погибли»³⁰.

Недоверие к союзникам в массовом сознании солдат и офицеров Советской Армии и общества основывалось на твердом и отнюдь не беспочвенном убеждении, что «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз». Вспоминая исторический опыт взаимоотношений, население задавалось вопросом: «На протяжении многих десятилетий Англия проводила политику против России, а в послереволюционные годы являлась одним из главных организаторов интервенции против

Советской страны. Можно ли быть уверенным, что теперешний союз СССР с Англией является достаточно прочным?»¹⁷. Характерно, что этот вопрос был задан летом 1944 г. в Архангельске – городе, хорошо помнившем британскую интервенцию на севере в 1918–1920 гг. и одновременно являвшимся тем центром, через который в СССР Северным морским путем в течение всей войны шли поставки по ленд-лизу, принимавшим в своем порту британских и американских моряков.

Тем не менее, «...к союзным народам и армиям сохранялось благожелательное отношение и уважение до конца войны. Однако это был очень тонкий и неустойчивый слой массового сознания. В его основе лежал ограниченный узкоклассовый подход... Что касается советских руководителей, то они в полной мере сохраняли недоверие и подозрительность в отношении союзников... В этой настороженности и подозрительности угадывались семена холодной войны»¹⁶.

Противоречия между союзниками все острее давали о себе знать уже в период самой войны по мере приближения Победы, а после ее достижения кризис антигитлеровской коалиции проявился в полную силу.

2 сентября 1945 г. Вторая мировая война завершилась подписанием капитуляции Японии, значительный вклад в разгром которой внес Советский Союз, выполнив свои обязательства перед союзниками. А уже в середине сентября – октябре 1945 г. в объединенном комитете начальников штабов и объединенном разведывательном комитете США планировалось нанесение ядерных ударов по территории СССР «не только в случае предстоящего советского нападения, но и тогда, когда уровень промышленного и научного развития страны даст возможность напасть на США...»²⁸.

Президент США Г.Трумэн в меморандуме государственному секретарю Д.Бирнсу от 5 января 1946 г. заявлял: «Русским нужно показать железный кулак и говорить сильным языком. Я думаю, мы не должны теперь идти с ними ни на какие компромиссы»³⁴.

Наконец, идеологическим манифестом противостояния и нарастающей конфронтации бывших союзников стала речь У.Черчилля «Мускулы мира» в Вестминстерском колледже американского г. Фултон (5 марта 1946 г.), где он заявил о создании в Европе «железного занавеса», призвал западные страны бороться с «экспансией тоталитарного коммунизма» и провозгласил использование силы основным методом в отношениях с СССР³⁵.

Кстати, весной 1945 г., когда советские войска уже брали штурмом Берлин, в разговорах между собой солдаты не исключали возможности продолжения боевых действий ... против союзников, «любить которых особенно не за что».

«Вариант дальнейшего похода на Европу – война с нынешними союзниками – не казался невероятным ни мне, ни многим из моих однополчан, – вспоминал поэт-фронтовик Давид Самойлов. – Военная удача, ощущение победы и непобедимости, не иссякший еще наступательный порыв – все это поддерживало ощущение возможности и выполнимости завоевания Европы»³².

Характерно, что подобные настроения не только «носились в воздухе», но и озвучивались на самом высоком уровне. Так, на одном из совещаний у И.В Сталина маршал С.М.Буденный объявил большой ошибкой то, что Красная Армия остановилась на Эльбе и не двинулась дальше в Западную Европу, хотя в военном отношении, по его мнению, это было несложно³³.

В Москве это выступление было воспринято как политический вызов, и уже 13 марта 1946 г. в интервью газете «Правда» И.В.Сталин дал ему резкую оценку, заявив, что это «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами», и что, «по сути дела, г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны»³⁶.

Едва по всему миру успела отгреметь «горячая» война, как разгорелась война «холодная». «Враги второй очереди», по предвоенному определению Всеволода Вишневского, во второй половине 40-х годов превращаются в главных врагов¹⁷.

Теперь перед советскими пропагандистами, по свидетельству Ильи Эренбурга, ставилась задача «воспитать ненависть к нашим сегодняшним недоброжелателям и нашим завтрашним противникам, – воспитать эту ненависть у огромного количества людей. Какова должна быть основная мишень? Ясно, – Америка и американский образ жизни, который американцы стараются навязать миру»²⁸.

В стране постепенно формировался новый (или, скорее, обновленный) образ внешнего врага, который практически без изменений просуществовал до середины 80-х годов, а отдельные его компоненты сохранились вплоть до распада СССР и окончания холодной войны.

Примечания

- ¹ *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 133, 327, 105, 85–86.
- ² *Галин В.В.* Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 85–86, 88–89, 93, 339, 15–16, 352, 338–339, 379.
- ³ *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 5. М., 1936–1937. С. 94–95.
- ⁴ *Ричардсон У.П.* Война Америки на севере России // Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1997. С. 432–433, 429, 418–419.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 38. М., 1974. С. 51.
- ⁶ *Соколов Б.Ф.* Падение Северной Области // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. II. Сост. В.И.Голдин. Архангельск, 1993. С. 326.
- ⁷ *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. I. Сост. В.И.Голдин. Архангельск, 1993. С. 239.
- ⁸ Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) / Под ред. А.Ф.Киселева, Э.М.Щагина. М., 1996. С. 219.
- ⁹ Военная энциклопедия. М., 1995. Т. 3. С. 358.
- ¹⁰ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 67, 59–60.
- ¹¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 294; *Волков Ф.Д.* За кулисами второй мировой войны. М.: Мысль, 1985.
- ¹² Цит. по: Михаил Иванович Калинин. Краткая биография. М., 1980. С. 278.
- ¹³ *Леонов Л.* Неизвестному американскому другу. Письмо первое // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 157, 170, 158.
- ¹⁴ *Шолохов М.* Письмо американским друзьям // Там же. С. 183–184.
- ¹⁵ Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 57.
- ¹⁶ *Наринский М.М., Поздеева Л.В.* и др. Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 327, 330, 328.

- ¹⁷ Голубев А.В. «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 341, 340, 352.
- ¹⁸ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 153–154, 235–236.
- ¹⁹ Музей боевой славы исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые дневники и заметки.
- ²⁰ Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М.: Мысль, 1985. С. 167.
- ²¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., Т. 1. 1989. С. 340, 341.
- ²² Помнить вечно. М., 1995. С. 100.
- ²³ Цит. по: Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 77, 79.
- ²⁴ Хастингс М. Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 270, 272.
- ²⁵ Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944–1945. М., 2005. С. 559–560, 564, 565.
- ²⁶ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 // Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М., 1994. Т. 2. С. 45.
- ²⁷ Второй фронт // Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М., 1994. Т. 2. С. 315–316.
- ²⁸ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 18–19, 32–33, 80.
- ²⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 234.
- ³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 150; Д.52.Л.151.
- ³¹ Голубев А.В. «Образ союзника» в сознании российского общества в 1914–1945 гг. С.287, 289.
- ³² Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 89.
- ³³ Кириллов В.В. История России. М., 2006. С. 546.
- ³⁴ Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955). Т. I. М., 2005. С. 69.
- ³⁵ Источник. 1998. № 1. С. 93–98; Быстрова Н.Е. Указ. соч.; Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995; СССР и холодная война. М., 1995.
- ³⁶ Правда. 1946. 14 марта.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru